

УДК 811.111'373'272 : 374.73

Кухаренко В.А.

ГЕНРИХ VIII И ЕГО ДВОР: ХИЛАРИ МАНТЕЛ, "ВУЛФ ХОЛЛ"*

Статья посвящена литературно-стилистическому анализу романа Х.Мантел "Волчий двор", получившего в 2009 г. Букеровскую премию.

Ключевые слова: Томас Мор, Томас Кромвель, волчий двор, кумулятивный образ.

Кухаренко В.А. Генрих VIII та його двір: Хіларі Мантел, "Вулф Холл". Статтю присвячено літературно-стилістичному аналізу роману Х.Мантел "Вовчий двір", який отримав Букеровську нагороду в 2009р.

Ключові слова: Томас Мор, Томас Кромвель, вовчий двір, кумулятивний образ.

Kukhareno V. Henry VIII and his court: H. Mantel, Wolf Hall. The article offers critical and stylistic analysis of H. Mantel's Wolf Hall (Booker 2009).

Key words: Thomas More, Thomas Cromwell, Wolf hall, cumulative image.

Проза, написанная женщинами (не путать с "женским романом!"), широко шагает по планете. В нашем отечестве, к заслуженно известным Оксана Забужко, Марии Матюс в прошлом году присоединилась Лина Костенко, талантливейшая поэтесса, дебютировавшая в крупной прозаической форме своими выстраданными *Записками українського самашедшого* [1]; на многие языки переведены и российские Людмила Улицкая, недавно ушедшая Галина Щербакова, пишущая на русском языке Дина Рубина. В Великобритании серьезные литературные успехи женщин становятся очевидными при анализе коротких списков произведений (*short lists*), выдвинутых на соискание самой престижной награды Соединенного королевства в области литературы – премии, по традиции именуемой букеровской, хотя ее основали две торгово-финансовые компании – Букер и Макконнелли [8]. Впоследствии, в связи с изменениями в менеджменте и финансировании, она стала премией, организуемой компаниями Мэн и Букер. Среди ее номинантов и лауреатов женщины составляют не менее половины, и это – цвет англоязычной литературы конца XX – начала XXI века: Надин Гордимер и Дороти Лессинг, обе впоследствии Нобелевские лауреаты, Айрис Мердок, Анита Брукнер, А.С. Байат, Маргарет Этвуд, Сара Уотерс, Зейди Смит и мн. др.

* Название *Волчий зал*, предложенное в русской критике (см. напр. [4]) и переводчиками текста [3]), нам кажется неудачным. Во-первых, это топоним – название обширного поместья семьи Сеймуров (дочь которых Джейн в 1636 г. стала третьей женой Генриха VIII и королевой Англии). Во-вторых, автор обыгрывает внутреннюю форму топонима, возвращая ему средневековое значение *hall = a large house, estate* (ср.: *Hundreds Hall* [11], или *Whitehall* – ныне район центрального Лондона) и – глубже – древне-английское происхождение от *hell* [12, 276], что выражает, в данном случае, концепт текста, о чем речь пойдет позже.

Один из последних – пятидесятый, юбилейный – Букер был присужден объемистому роману Хилари Мантел *Wolf Hall* [13], писательнице (род. в 1952 г.), о которой у нас не очень много знают, хотя *Wolf Hall* – это ее двенадцатая книга и второе историческое произведение. Первое – *A Place of Greater Safety* (1992) было посвящено неоднозначным фигурам французской революции 1789 года, погибшим в эпоху Великого Террора в 1794 г. – Дантону и Робеспьеру. Уже тогда, основываясь на архивных документах, она представила обоих не так, как их рассматривали и оценивали с общепринятой и распространенной точки зрения, предположительно единственно верной и потому аксиоматичной.

Wolf Hall продолжает эту же линию: автор достаточно подробно говорит и о достоинствах, и о недостатках своих героев, в результате чего сдвигаются привычные оценки, и в ином свете предстают не только исторические лица, но и эпоха, которую они творят. По непонятной причине, русские публикаторы заявляют жанр романа как "приключение", хотя развернутое повествование следует отнести к смешанному жанру *biopic* (*biography* + *epic*). Автор документально обоснованно представляет Англию XVI-го века. Генрих VIII (1491-1547), самый знаменитый английский король, после смерти отца и старшего брата Артура восемнадцатилетним вступает на престол. Его Главный министр, Лорд-канцлер-хранитель-печати кардинал Вулзи, архиепископ Йоркский, всячески поощряет беззаботную жизнь Генриха: охота, придворные и внепридворные дамы (при том, что король женат на вдове своего брата Екатерине Арагонской), пиры и пирушки отвлекают его от дел государственных, что входит в стратегию Вулзи, сосредоточившего в своих руках политическую и религиозную власть, а также государственные финансы.

Читателя вводят в уже отлаженную систему отношений в 1530-е годы. Из шести детей, рожденных Екатериной, выжила лишь болезненная старшая девочка Мери. А Генрху нужен наследник. Тяжкая тридцатилетняя борьба за престол претендентов из династии Ланкастер (*the House of Lancaster*), с одной стороны, и династии Йорков (*the House of York*), с другой, известная в истории как война Алой (герб Ланкастеров) и Белой (герб Йорков) Розы (1455-1485) закончилась победой Генриха VII Тюдора, представителя Ланкастеров. Женившись на принцессе Йоркской Елизавете, он обеспечил непрочный мир и явился родоначальником династии Тюдоров (1485-1558), объединив обе розы на своем гербе. Для упрочения позиций новой династии его сын Генрих VIII хочет посадить на трон сына, не доверяя возможностям женщины обуздать Тюдоровских врагов. Изможденная родами и болезнями Екатерина желание-приказание мужа родить сына выполнить не в состоянии. Выход из положения Генрих видит в расторжении первого брака и заключении второго, тем более, что уже есть умная, хитрая, амбициозная претендентка – Анна Болейн, которой помогают плести сети вокруг короля ее многочисленные родственники, пребывающие при дворе. Сложность схемы заключается в том, что королевский брак может расторгнуть только верховное лицо католической церкви – Папа Римский. Основные коллизии романа возникают и развиваются именно в процессе официальной переписки

с Папой, визитов королевских эмиссаров к нему, определения друзей/недрузгов планируемых событий.

В одном интервью [6] Мантел признавалась, что задумывала роман как историю отношений Генриха и Анны Болейн, но поскольку главное следствие их драматической истории – разрыв Англии с Католической церковью и переход к протестантизму – коснулось всей страны и ее будущего развития, писательница выдвинула на первый план другие две фигуры, а именно – явных и тайных антагонистов и врагов – Томаса Кромвеля (1485-1540) и Томаса Мора (1478-1535), представив обоих в неожиданных ракурсах.

Официальная история располагает скухими сведениями о Кромвеле до его появления в свите епископа Вулзи. Так, известно, что он родился в семье ремесленника, бежал от родительских побоев в 14-15 лет, какое-то время плавал, служил в армии где-то в Италии, помогал Нидерландским купцам, изучал право...

Мантел опускает эти два с половиной десятилетия из повествования. Очень кратко остановившись на жизни своего героя до его расставания с родиной, она посвящает роман его взрослой жизни. Ср. заголовки и хронологию первых двух глав: 1-ая – *Across the narrow Sea. 1500* (pp. 3-16), 2-ая – *Paternity. 1527* (pp. 17-33). Иными словами, читатель встречается с уже сложившимся сорокалетним человеком, весь прошлый опыт которого упоминается мельком, отрывочно, ретроспективно восстанавливается читателем из разбросанных по всему тексту деталей. Автор показывает недюжинные способности Томаса Кромвеля и его разносторонние знания, приобретенные за годы скитаний по Европе, как будто "к слову", в общении героя с разными персонажами. Например, Лорд Саффолк, показывая гостям своих охотничьих собак, с сожалением говорит о необходимости убить любимую гончую, т.к. она слепнет: ... *'she has a film over her eyes'- 'You can draw off the membrane with a curved needle. I've seen it done <...>. Let me talk to your smith', offers Cromwell. Suffolk looks sideways at him. 'You're a useful sort of man'* (13, 223)*. И совсем из другой области: Томас Мор с гордостью демонстрирует впервые пришедшему в его дом Кромвелю свой новый ковер: *The new carpet, for their inspection, is stretched out on two tresle tables <...> He turns up the corner, runs his fingertips over the knots, counting them by the inch, in an easy accustomed action. 'This is the Ghiordes knot, – he says, – but the pattern is from Pergamon'* (227-228). Аналогично профессионально и безошибочно, в беседе с королем, он подсчитывает старые долги короля бретонскому купцу и выигрывает тяжбу, объясняет сыну, как проверить качество кирпича, поставляемого на строительство (386), на глаз определяет скорость течения Темзы и надвигающегося прилива (90; 402). Он великолепный организатор: при громоздком переезде впавшего в немилость кардинала Вулзи из Лондона в Йорк, именно Кромвель наводит порядок, распределяя людей, лошадей, повозки, многочисленные сундуки и баулы, при этом мгновенно отправляет прислугу выполнять конкретные задания по приведению старо-

* Все последующие иллюстрации приводятся по изданию [13], поэтому в их адресе в дальнейшем указана только страница.

го, запущенного, необжитого поместья в жилое состояние: собрать дрова, затопить хотя б один камин, достать и нагреть одеяла и подушки, почистить кастрюли, развести огонь в кухне, приготовить ужин уставшему и больному Вулзи (глава 2-ая третьей части).

Практицизм, расчетливость, житейский опыт не подчеркиваются и не описываются автором эксплицитно. Вообще Мантел вроде бы безоценочно фиксирует поступки и слова персонажей. Однако, по всему тексту рассыпаны косвенные характеристики каждого. Например, к выводу о том, что Кромвель – полиглот, читатель приходит после нескольких эпизодов: Анна Болейн не без раздражения беседует с Кромвелем, постоянно переходя с английского на французский и обратно, даже имя собеседника произносит на французский манер – *She pronounces it as if she can't manage the English: Cremuel<...> 'You have five minutes to make his case', she says in English. <... > She looks at him with dislike and speaks in French <...>. 'My lady, are we having this conversation in English or in French? Your choice entirely. But let's make it one or the other, yes?'* (201). Со старым другом-итальянцем он переходит на итальянский: *They have slid back naturally into Italian* (194). С Мором – по-латыни: *Thomas More drops into Latin* (192), с нидерландскими купцами – по-голландски (302), он знает и северный, и лондонский диалекты и общается с городскими низами на их жаргоне (см. особ., третьи главы второй и четвертой частей).

Он – заботливый отец и семьянин, гостеприимный и щедрый хозяин. В его доме в Лондоне, после смерти жены и двух маленьких дочерей, живут семья ее сестры, дети его обеих сестер, его родной и приемный сыновья, Келен Барр с ребенком, которых он подобрал буквально на улице, от него ждут помощи простолюдины, попавшие в неприятности, и он пытается им помочь. Эта – милосердная – сторона его жизни никак и никем не обсуждается. Она видна только лицам, непосредственно затронутым его действиями. Может быть, именно поэтому история сохранила его нелюбимый портрет как беспринципного стяжателя, разрушителя монастырей, сводника. Да и двор Генриха VIII ждет-не дождет падения этого выскочки: *He is a usurer. He lends money at interest, the sly bastard <... >; 'Damn you, Cromwell, viper that you are'; 'Where does the fellow spring from? The upstart!'; traitor; ruthless rascal* – так говорят о нем благородные графы и герцоги Норфолки, Саффолки, Гардинеры, Брэндоны, послы, шпионы, дворцовые сплетники и интриганы (157, 189, 253, 308 ...). Его постепенное приближение к королю и вытеснение всех противников/соперников на этом пути не могло не вызывать ревность, ненависть, даже желание убийства: *"He's dangerous. He remembers it all"* (239).

Конечно, Томас Кромвель – далеко не ангел. Его девиз многократно повторенный в тексте – *Make or mar* (157, 302, 417 ...). Он умело манипулирует людьми и делится опытом со своим единственным сыном Грегори: *It is no use to justify yourself. It is no good to explain. A man's power is in the half-light, in the half-seen movements of his hands and unguessed-at expression of his face. It is the absence of facts that frightens people* (359). Он рационалистичен и никогда не упустит возможность приумножить капитал. Вот его поучения,

данные помощнику – клерку Тому Эвери: *The page of an accounts book is there for your use luke a love poem: love your neighbour, study the market* (365).

Но он искренне привязан к своему патрону кардиналу Вулзи и искренно горюет о его смерти, он берется выполнить невыполнимую задачу юридически обосновать справедливость расторжения двадцатилетнего брака Генриха VIII с Екатериной Арагонской, и доводит дело до конца. Он действительно стоит за ужесточение требований к владельцам земельных угодий и за их конфискацию у монастырей и аббатств. Читающий Библию вольнодумец, материально и морально поддерживающий Эразма Роттердамского и первого переводчика Библии на английский язык Вильяма Тиндейла (которого за это все же сожгли на костре как еретика), он убеждает короля: *If you ask me about the monks <...> I cannot stomach [their] hypocrisy, fraud, idleness. <...> For hundreds of years the monks have held the pen, and what they have written is what we take to be our history* (219). *Christ did not bestow on his followers grants of land, or monopolies, offices, promotions. All these things are the business of the secular power. A man who has taken vows of poverty, how can he have property rights? How can monks be landlords?* (532).

Поскольку Реформация английской церкви и бури, ей предшествовавшие и ее сопровождавшие, стали основным конфликтом романа, его мир разделился на сторонников этих беспрецедентных событий и его противников. Томас Кромвель – главный представитель первых. Томас Мор – вторых.

Историческая оценка Томаса Мора прямо противоположна той, которая закрепилась за Томасом Кромвелем. Эрудит, полемист, писатель, государственный деятель, лично знакомый с выдающимися представителями науки и культуры Европы XVI в., он был причислен католической церковью к лику святых (1886) и канонизирован (1935). Это он придумал и слово "Утопия", и первое повествование об идеальной (с его точки зрения) и несуществующей стране. Его приверженность религиозным догматам и принципам, стоившая ему жизни, приобрела гражданский героический характер в пьесе весьма известного британского драматурга 1950-х – 1970-х гг. Р.О. Болта "Человек на все времена" – *A man for all seasons* (1960). Экранизированная в 1966 г., со знаменитым Полом Скофилдом в главной роли и звездным составом остальных исполнителей (Орсон Уэллс, Ванесса Редгрейв, Сьюзен Йорк и др.), она завоевала шесть Оскаров и триумфально прошла по всему миру, укрепив уже имевшийся стереотип великомученика, противостоявшего своре волков, одним из главарей которых был богоотступник Томас Кромвель.

Мантел в своем романе сохранила конфронтацию двух недюжинных личностей, диаметрально изменив их закрепившиеся в истории образы. Мор, благостный, рассудительный, почитающийся моралистом (аналогично авторской манере представления Кромвеля), характеризуется либо безоценочной фиксацией его действий, либо высказываниями о нем других персонажей. И здесь на первый план выдвигается фальшь его речей, писем, поведения. Он – вдохновитель сложной интриги свержения кардинала Вулзи. Зная о близости Кромвеля к своему патрону, Мор пытается вывести, не читают ли они еретического Тиндаля – *But Cromwell won't be tripped – he casts it back, he asks me, rather, have you read Tyndale?* (122), думает Мор,

но беседу продолжает, источая благожелательность и обвиняя его при этом в разграблении монастырей: *More beams at him <...> "Now, if the cardinal wants some little monastery knocked down, when he thinks, it has good endowments <...>, off you go, Thomas Cromwell, north, south, east or west". If another man were saying this, he 'd be trying to start a fight. When Thomas More says it, it leads to an invitation to dinner (122).*

Несоответствие лучезарной улыбки и оскорбительных инсинуаций ставит под сомнение высокие моральные качества Мора, так же, как его отношение к жене во время визита Кромвеля: *"Remind me, why I married you" (230),* обращается он к молчаливой супруге и переходит на латынь, демонстрируя ее неискушенность в языках. Опять же, с улыбкой (*He smiles. The smile is real*) он вспоминает историю своей первой женитьбы на глупой девушке семнадцати лет, которая родила ему четверых детей и умерла в 24 года. *When the first wife died, her successor was in the house before he corpse was cold. He would have been a priest, but human flesh called to him with its inconvenient demands. He did not want to be a bad priest. So he became a husband (123).*

Мор убежден, что его достоинства ставят его выше всех прочих, которых он поучает и публично наставляет на путь истинный. Томас Крэнмер, архиепископ Кентерберийский, говорит: *"More publishes all his letters. Even when they reprove him, he makes a fine show of his humility and so turns it to his profit. He has lived in public. Every thought that passes through his mind he has committed to paper. <...> I suppose he's writing an account of today and sending it out of kingdom to be printed. Depend upon it in the eyes of Europe we will be the fools and oppressors, and he will be the poor victim with the better turn of phrase" (568).*

Мор – религиозный фанатик. Он персонально присутствует при пытках и допросах еретиков. В своей последней беседе с ним Кромвель подчеркивает отсутствие в нем истинной человечности и фальшивость его святости: *"You call history to your aid, but what is history to you? It is a mirror that flatters Thomas More. But I have another mirror. I hold it up and it shows a vain and dangerous man, and when I turn it about it shows a killer, for you will drag down with you God knows how many, who will only have the suffering, and not your martyr's gratification. You are not a simple soul, so don't try make this simple" (566).*

Когда Мантел опубликовала свой первый исторический роман, и читатели, и критики обратили внимание на нетрадиционность представления главных участников Французской революции и террора [10]. Но это была Франция и ее история. *Wolf Hall* – это своя, английская история, и официальная оценка событий и имен, задействованных в романе, известна каждому школьнику. Автор же предлагает иную трактовку прошлого. Переоценка исторических личностей и их деяний происходит нередко. Конфронтацию Мора и Кромвеля, с иных позиций, начали рассматривать и историки. Убедительность точки зрения Мантел поддерживается ее предположительной незаангажированностью: действительно, она не дает собственных оценок (их дают документированные персонажи), она со- и противопоставляет действия и характеры, она широко использует исторический фон разгорающегося конфликта между религиозной догмой и новым прагматизмом и, в общем, не щадит никого – *"all these monks, friars, priests, bishops live off the trusting,*

naive and ignorant people, even the Pope is elected by excessive bribing" (402), говорит вдова сожженного на костре еретика. Не лучше дела и при дворе, разъедаемом интригами, сплетнями, коррупцией. Даже палачу нужно дать взятку, чтобы он сделал свое дело побыстрее: *He makes a memorandum for himself 'Dame Elizabeth Barton to have money to fee the hangman'. <... > If she cannot pay her way at the last, she may suffer longer than she needs. You pay for everything, even a broken neck* (576).

Вся эта картина складывается в метафору *the wolfpack that populates Wolf Hall* [9]. Значение заголовка, в начале романа соотносившегося с названием одного поместья, известного разнузданностью нравов, по мере своего употребления в тексте (с. 244, 297, 389, 410-411 ...) распространяется на всю Англию, и Кромвель говорит с горечью: *"We're hopeless, aren't we? Inveterate scrappers. Wolves snapping over a carcass* (536); *The saying comes to him: homo homini lupus est, man is wolf to man*" (572). "Волчий замок" – это и королевский двор, и необозримые угоды титулованных особ и епископств – т.е., по сути дела, вся страна.

Метафора волк, волчий применительно к власти появилась задолго до Х. Мантел: еще Шекспир назвал Маргариту Анжуйскую, вдохновительницу войн Алой и Белой Роз, яростно отстаивавшую право на престол своего сына Генриха (впоследствии Генриха VII), "волчицей". "Волчицами" назвала историк Хелен Кастор свою последнюю книгу [7], посвященную женам четырех английских королей елизаветинской эпохи: внучке Вильгельма-Завоевателя Матильде; семь десятилетий не сходявшей с поля дворцовых битв Элеоноре Аквитанской; неожиданно "проснувшейся со вкусом власти на губах" Изабелле Французской и уже упомянутой, последней в хронологическом ряду представленных портретов – Маргарите Анжуйской. Ни одна из них, будучи женщиной, права на престол не имела, но каждая, преступая законы общества, церкви, человечности, ожесточенно боролась за власть, пусть регентскую, пусть консультативную, утверждая на троне своего сына. Убрать всех возможных оппонентов, включая родственников и даже собственного мужа, стало делом привычным. Первая из описанных Волчиц – Матильда – поучает сына (Генриха II): *Spin out the affairs of everyone <...>, keep aspirants hanging or in hope <... > never confer on anything or anyone at the recommendation of any person, unless you have yourself seen and learnt about it* [7, 152].

Нельзя королям-королевам быть мягкими и пушистыми. Выживают только хищники, утверждает д-р Каспер и объясняет безбрачие/бездетность Елизаветы I ее осознанием этой истины, преподнесенной ей историей всех предшествующих Волчиц.

История и литература, таким образом, подтверждают справедливость трактовки заглавия *Wolf Hall*, разворачивающегося в кумулятивный образ [2] и формирующего текстовый концепт: Волчий двор = Англия первой половины XVI века.

Мантел останавливает повествование на гибели одного выразителя главного конфликта и на взлете другого. Организуя свой роман как историческую хронику, автор снабжает каждый эпизод точной датой. Последняя глава датируется июлем 1535 года. Казнь Мора. Кромвель записывает

планы короля на сентябрь.

Из истории мы знаем, что самого Кромвеля от эшафота отделяют всего пять лет. Именно о них собирается Хилари Мантел рассказать во второй книге хроник о временах Генриха VIII – *"The Mirror and the Light"*, работе над которой она уже приступила [5].

В заключение – несколько слов о стиле книги. Выше уже упоминалось, что писательница, во-первых, стремится создать эффект текста исторической хроники и, во-вторых, нигде эксплицитно не сообщает о собственной оценочной позиции, что, в общем, согласуется с заявленной нейтральностью описания фактов историографом. В соответствии с избранным подходом, Мантел тщательно и чрезвычайно детализированно описывает эпоху во всех ее проявлениях: помимо глобальной проблемы (необходимость легализации развода Генриха VIII и Екатерины Арагонской) и глобального конфликта двух мировоззренческих систем, персонифицированных в противостоянии Томаса Кромвеля и Томаса Мора, автора интересует быт Англии начала XVI века во всех его проявлениях. Значительный объем книги (650 стр.) объясняется ее информационной и сенсорной насыщенностью: что и как носили, что и как ели-пили, где и как спали, где и как строили, передвигались, разговаривали, сходились-расходились, молились, работали, обманывали, убивали, рожали, воспитывали детей... – и это все обо всех сословиях, от простолюдина до короля, с описанием цвета, запаха, звука, ощущения – от мерцания капли, стекающей в лунную ночь с весла лодочника-перевозчика через Темзу, до игры драгоценных камней в ожерелье, утверждающем победу Анны Болейн; от чувств вечно голодного, нечесаного, немытого, оборванного мальчика-напобегушках, теряющего сознание от запахов епископской кухни, до пресыщенности знати, выставляющей гостям немыслимой красоты кулинарные шедевры, сотворенные французскими поварами.

Повествование ведется не от лица всезнающего автора, а от лица незаявленного нарратора, что соответствует жанру исторической хроники, эффект аутентичности которой поддерживается точной датировкой (месяц, год, место) происходящего, а также предваряющими изложение генеалогическими, топографическими, антропонимическими сведениями. Историческая достоверность, к которой стремится автор, достигается и умеренным использованием устаревших слов и конструкций. Например, титульные *Mr* и *Mrs* еще не вошли в обиход, и все персонажи называются *Master* (*Master Cromwell*, *Master Brandon*) и *Mistress* (*Mistress Seymour*, *Mistress Cranmer*); широко представлены наименования должностных лиц, государственных и религиозных процедур, характерных для XVI века. Например, самый приближенный к персоне короля дворянин называется *the Groom of the Stool* – он сопровождает монарха на отправление естественных надобностей; Кромвель получает не существующую в более поздние времена должность *Keeper of the Jewel House*; кардинала Вулзи осуждают по существовавшему закону о превышении церковной власти – *he was accused under the praemunire law*, по распоряжению (доносу) Томаса Мора – *at his behest* и др.

Очень редко в текст вводятся иноязычные слова. Их единственная функция – показать, на каком языке происходит диалог, что, в свою очередь,

должно подчеркнуть образованность и лингвистические таланты Кромвеля. О его ирландском происхождении сообщается весьма невнятно, но валлийская фраза, которой он желает доброй ночи своему сыну, извлеченная из памяти далекого детства, подтверждает это предположение.

В тексте много рассуждений и размышлений Кромвеля. При этом он обозначается только третьим лицом, что – особенно в первой части романа – иногда создает затруднения в восприятии того, о ком идет речь: *The elder of the drapers' guild says, when he took his seat'... (189) Says the gracious guest "There's nothing wrong with the herring", and he leans forward.* В обоих случаях *he* относится к Кромвелю. Во второй части автор избегает возможных недоразумений, переходя на конструкцию *He, Cromwell, said (took, went on ... – см. напр. с. 212, 215, 305, 318, 339, 377 ...).*

Эффект незаангажированности нарратора, успешно создаваемый автором, заставляет читателя особенно пристально следить за словами и поступками героев, чтобы в итоге прийти к собственному выводу: какие же они – Томас Кромвель и Томас Мор? Если мнения разойдутся в оценке этих персонажей (уж слишком велика тяжесть стереотипов!), представляется, что понимание того концепта, который сформирован текстом и обозначен его заголовком, сомнений не вызовет: волчий двор, волчьи повадки, волчьи законы, волчья жизнь – эпоха Генриха VIII, ее корни и молодые побеги.

ЛИТЕРАТУРА

1. Костенко Л. Записки українського самашедшого /Ліна Костенко. – Київ: А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА, 2011. – 416 с.
2. Кухаренко В.А. Кумулятивный образ в системе художественного текста / В.А. Кухаренко // Слово й текст у просторі культури. Матеріали міжнар. наук. конф., присв. 80-річчю з дня народж. проф. О.М. Мороховського. – Київ : Ленвіт, 2010. – С. 18-19.
3. Мانتел Х. Волчий зал. Перевод с англ. Е.М. Доброхотовой-Майковой и М.В., Клеветенко / Хилари Мانتел. – М.: АСТ, 2010. – 672 с.
4. Наринская А. Дворцовые интриги достигли цели / Анна Наринская. – Коммерсантъ. – 2009. – № 187. – С. 8-9.
5. Books T.M. Transfigured / Thomas Mallon Books. – The New Yorker. – 2010. – Apr. 5. – P.73.
6. Brown M. Booker Prize Goes to Hilary Mantel / Mark Brown. – The Guardian. – 2009. – Oct. – P. 47.
7. Castor H. She-wolves: The Women Who Ruled England Before Elizabeth / Helen Castor. – L.: Faber, 2010. – 474 p.
8. Maschler T. How It All Began / Tom Maschler. – L.: Clays Ltd, 2010. – P. 63-66.
9. Maslin J. Wolf Hall / Janet Maslin – The NY Times Sunday Book Review. – 2009. – Oct. 4. – P.4-6.
10. Tayler Ch. Hilary Mantel about Revolution / Christopher Tayler – The Guardian. -1993. – May 2. – P. 11.
11. Waters S. The Little Stranger / Sarah Waters. – L.: Virago, 2009. – 500 p.

СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

12. Partridge E. A Short Etymological Dictionary of Modern English / Eric Partridge. – N.Y.: Greenwich House, 1983. – 972 p.

ИЛЛЮСТРАТИВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

13. Mantel H. Wolf Hall / Hilary Mantel. – L.: Fourth Estate, 2009. – 650 p.